

НИКОЛАЙ ЖЕКУЛИН

ТУРГЕНЕВ — ПЕРЕВОДЧИК ФЛОБЕРА: «ЛЕГЕНДА О СВ. ЮЛИАНЕ МИЛОСТИВОМ»

Тургеневские переводы двух из трех «легенд» Густава Флобера занимают особое место в творчестве русского писателя. Всегда опасаясь за успех собственных новых произведений, Тургенев до удивительной степени гордился этими переводами. Первая легенда появилась в журнале «Вестник Европы» под названием «Католическая легенда о Юлиане милостивом» в аперльском номере за 1877 г. Получив номер, Тургенев сообщил М. М. Стасюлевичу, редактору журнала:

[...] изо всей моей литературной карьеры я ни на что не гляжу с большей гордостью — как на этот перевод. Это был *tour de force* — заставить русский язык схватиться с французским — и не остаться побежденным. Что бы ни сказали читатели — я сам собой доволен и глажу себя по головке.¹

В 1880 г. Тургенев включил переводы из Флобера в очередное собрание своих произведений, таким образом выделяя им особое место в своем творчестве.² Правда, этим же он сам до некоторой степени обеспечил то, что до наших дней другие его многочисленные переводы не занимают

¹ Письмо от 10 апреля 1877 г. (*Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. М.; Л., 1961–1968. Письма. Т. XII, С. 131. Далее: ПССиП(1)). в свою очередь, Флобер гордился тем, что его произведение появится на русском языке в переводе Тургенева: “*j’ai envie de voir ça imprimé en russe ! sans compter qu’une traduction faite par vous « chatouille de mon cœur l’orgueilleuse faiblesse » [...]*” (Письмо Флобера от 25 июня 1876 г. *Gustave Flaubert – Ivan Tourguénev. Correspondance. / Texte édité, préfacé et annoté par Alexandre Zviguilsky. Paris, 1989. P. 175.* (Далее: *F–T. Corr.*). Флобер, однако, мог также совершенно равнодушно относиться к качеству перевода: “(Qu’elle soit plus ou moins bien traduite, peu m’importe.)” (Письмо Флобера от 17 августа 1876 г. *F–T. Corr.*, p. 180).

² Переводы из Флобера являются единственными его переводами, которые Тургенев включил в это издание.

должного места в нашем представлении о Тургеневе-писателе. Но даже на выделенные таким образом Тургеневым переводы обратили непосредственное внимание лишь немногие русские исследователи, причем на самых разных этапах истории восприятия его творчества. Первый отклик прозвучал сразу после появления в печати первого перевода. в номере «Нового времени» от 8/20 апреля 1877 г. В. П. Буренин, под тогдашним своим псевдонимом «Торъ», напечатал крайне полемическую «рецензию», которая отражает литературные споры в России того времени. Лет через 50 появился самый обширный анализ тургеневских переводов из Флобера в рамках собрания сочинений французского писателя в русских переводах. Статья М. К. Клемана³, в которой он в первый раз изложил историю создания переводов, самим их анализом служила до некоторой степени оправданием для решения редакторов не включать тургеневские переводы в это собрание

Вывод статьи М. Клемана, что „тургеневские переводы новелл Флобера ... не могут считаться адекватной передачей текста подлинника“, подтверждается и примерами иной категории, которые автор статьи не использовал.⁴

А еще приблизительно через 45 лет была напечатана статья П. Р. Заборова, автора комментариев к переводам из Флобера в академическом полном собрании сочинений Тургенева.⁵ Эта статья, которая, в отличие от предыдущих, высоко оценивает переводы Тургенева из Флобера, посвящена преимущественно анализу черновиков перевода второй легенды — перевода «Иродиады».

В настоящем небольшом исследовании мы намерены повторить историю этих переводов в кратких чертах, обращая особое внимание на «Легенду о св. Юлиане милостивом»,⁶ уточняя некоторые детали и комментируя некоторые моменты на основе архивных материалов, которые не были доступны предыдущим исследователям.

³ М. К. Клеман. И. С. Тургенев – переводчик Флобера // *Флобер Гюстав*. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 5. М.–Л., 1934. С. 133–149. (Далее: *Клеман*).

⁴ *Флобер*. Собрание сочинений. Т. 5. С. 150.

⁵ *Заборов П. Р.* Из творческой лаборатории Тургенева-переводчика («Иродиада» Г. Флобера). // *Тургенев и его современники*. Л., 1977. С. 129–135. (Далее: *Заборов*.) Рядом с этими русскими исследованиями следует упомянуть статью-последствие А. Звигильского к его изданию переписки двух авторов (*F–T. Corr.*, pp. 331–339).

⁶ Так называлась легенда в тургеневском автографе, который служил наборной рукописью. На основе почерка можно судить, что замена на «Католическую легенду о Юлиане милостивом» принадлежит редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу, скорее всего по цензурным соображениям (повесть, в которой является Иисус Христос, таким образом связывается с чужой религиозной традицией, причем неканонизированный герой теряет название святого). См.: ИРЛИ, ф. 293, оп. 3, № 132, л. 1а.

В 1870-х годах Флобер и Тургенев были близкими друзьями. Благодаря французским переводам произведений Тургенева, каждый отлично знал творчество своего товарища по перу, и для обоих творчество другого было, пожалуй, ближе и симпатичнее творчества любого иного современного писателя. Но помимо уважения Тургенева к таланту Флобера, свою роль сыграло сугубо практическое соображение — помочь Флоберу материально. в 1875 г. Флобер решил выручить мужа любимой своей племянницы Каролины де Комманвиль, которому грозило разорение, от чего чуть ли не разорился сам Флобер.⁷

О небольшом рассказе — будущей «*La Légende de saint Julien l'Hospitalier*» — Флобер сообщает Тургеневу в первый раз в письме от 3 октября 1875 г.⁸ Он кончил рассказ в Париже 17 февраля 1876 г.⁹ и вполне вероятно, по своему обычаю, его прочитал друзьям, среди которых мог быть Тургенев. Во всяком случае, на Тургенева эта «*преоригинальная легенда*» произвела сильное впечатление, и 21 марта он о ней — и о своем намерении ее перевести для «Вестника Европы» — упоминает в письме к Стасюлевичу, «но мы об этом еще переговорим».¹⁰ Стасюлевич, скорее всего по соображениям, связанным с историей «Искушения святого Антония»,¹¹ не дал положительного ответа, и сам перевод затянулся, поскольку Тургенев серьезно принялся за свой последний роман «Новь». Очевидно договорились они, когда Тургенев был проездом в Петербурге, но работа над романом продолжала мешать, назначенные сроки все откладывались.¹² Вернувшись во Францию, Тургенев переписывал роман в Буживале и, скорее всего, даже не поехал в Париж, куда Флобер приехал, чтобы 10

⁷ См. письмо Флобера к Тургеневу от 30 июля 1875 г. (*F-T. Corr.*, p. 163) и его письмо к принцессе Матильде от 3 сентября (*Flaubert. Correspondance / Édition établie, présentée et annotée par Jean Bruneau. Vol. 4. Paris, 1998. P. 912. (Bibliothèque de la Pléiade).*) (Далее: *FCorr.*).

⁸ *F-T. Corr.*, p. 165.

⁹ См. его письмо к Леони Брэнн (*Brainne*) от 18 февраля 1876 г. (*FCorr.*, p. 15).

¹⁰ ПССиП(1). Письма. Т. XI. С. 229.

¹¹ Еще в 1873 г. Тургенев хотел упрочить репутацию Флобера в России, — он предложил Стасюлевичу напечатать в «Вестнике Европы» перевод его «Искушения святого Антония». Ознакомившись с произведением в корректурных листах французского издания, Стасюлевич от него отказался по цензурным соображениям. См. об этом: *Мостовская Н. Н. Тургенев об «Искушении святого Антония» Г. Флобера. // Тургеневский сборник. Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Вып. 3. Л., 1967. С. 141–149.*

¹² Тургенев сначала предложил, чтобы легенда вышла в октябрьском или («по самому позднему») ноябрьском номере «Вестника Европы» (ПССиП(1). Письма. Т. XI. Стр. 268, 290 и 301), а потом в мартовском номере за 1877 г. (ПССиП(1). Письма. Т. XI. Стр. 335). Флоберу он объяснил задержку тем, будто редакторы не хотели, чтобы перевод появился до романа (*F-T. Corr.*, p. 188–189), и попросил Стасюлевича, не выдать его. (ПССиП(1). Письма. Т. XI. Стр. 344).

сентября прочитать вторую из легенд — «Простое сердце». ¹³ Флобер вернулся к себе в Руан 19 сентября, и Тургенев последовал за ним на следующий день. Там он познакомился с новым произведением и вернулся с рукописью для перевода. ¹⁴ в связи с идеей издать легенды в России до их появления во Франции (что повысило бы их цену в России), ¹⁵ сроки стали нажимать, не только на переводчика, но и на автора, который намерен был издать три легенды у Шарпантье в апреле 1877 г. ¹⁶ Первоначально Тургенев думал отдать перевод второй и третьей легенд “une demoiselle de lettres russe” (скорее всего Е. И. Бларамберг) и только проверить его, ¹⁷ тем более что, несмотря на свои обещания (и даже утверждения) Флоберу он все еще не кончил перевод «Юлиана»! ¹⁸ Кроме того, Флобер испытывал неловкость при мысли, что Тургенев станет его “traducteur-juré”. ¹⁹

Флобер кончил переписку третьей легенды — «Hérodias» — в 3 часа ночи с 14 на 15 февраля 1877 г., о чем он сообщил в письмах от 15 февраля Эдме Роже де Женетт и Леони Брэнн, которой он добавил: “et ce soir même, le grand Tourguéniev a dû commencer la traduction”. ²⁰ Тургенев в первый раз

¹³ См. письмо Флобера к Тургеневу от 9 сентября 1876 г. (*F–T. Corr.*, p. 183).

¹⁴ См. письмо Флобера к Тургеневу от 23 сентября 1876 г. (*F–T. Corr.*, p. 185). Флобер нарочно сделал вторую копию для Тургенева (см. его письма к племяннице от 17 августа и к Эдме Роже де Женетт (Roger de Genettes) от 27 сентября 1876 г. (*FCorr.*, vol. 5 (Paris, 2007), pp. 99 и 120).

¹⁵ Об этом впервые упоминается в письме Флобера от 17 августа 1876 г. (*F–T. Corr.*, p. 180). Тургенев намерен был отдать гонорар Флоберу. в письме к Стасюлевичу от 11 марта 1877 г. он просил: “Напишите мне, сколько Вы дадите за печатный лист, и посоветуйтесь – хотя и благоразумно – с Вашим великодушием – ибо я копейки себе не возьму – и всё пойдет Флоберу, которому деньги нужны” (ПССиП(1). Письма. Т. XII, С. 106).

¹⁶ См. письма Флобера к Тургеневу от 28 октября, 12 и 24 декабря 1876 г. и ответ Тургенева от 19 декабря на письмо от 12-го декабря (*F–T. Corr.*, pp. 187, 191–194). См. также письмо Флобера к племяннице от 25 декабря, в котором он отрицает, что это его заставляет работать на скорую руку (*FCorr.*, 5, p. 152). Перевод «Юлиана» вышел в России в апрельском номере «Вестника Европы», перевод «Иродиады» – в майском номере, уже после появления легенд во Франции. «Trois contes» вышли в Париже у Шарпантье (Charpentier) 24 апреля 1877 г. До этого они были напечатаны отдельно в периодических изданиях, «Un Sœur simple» и «Hérodias» в газете «Moniteur» (12–19 апреля и 21–27 апреля), а «La Légende de Saint Julien l’Hospitalier» в газете «Le Bien public» (19–22 апреля) (см. *Weatherill Peter Michael. Introduction générale. // Gustave Flaubert. Trois contes / Textes, sommaire biographique, introduction générale, bibliographie, notes, ultimes corrections, transcriptions, établis par Peter Michael Wetherill. Paris, 1988. P. 31. (Classiques Garnier). (Далее: Contes, 1988).*

¹⁷ См. письмо к Флоберу от 19 декабря 1876 г. (*F–T. Corr.*, p. 193).

¹⁸ См., напр., письма к Стасюлевичу от 25 января, 3 и 9 февраля 1877 г. (ПССиП(1). Письма. Т. XII, Стр. 67, 74 и 81) и к Флоберу от 19 декабря 1876 г. (!), (*F–T. Corr.*, p. 193).

¹⁹ Письмо к Тургеневу от 24 августа 1876 г. (*F–T. Corr.*, p. 182).

²⁰ *FCorr.*, 5, p. 186 и 187. См. также письмо к Гертруде Теннант (Tennant) от 16 февраля

упоминает об этой легенде в письме к Стасюлевичу от 13 февраля. Флобер ее ему прочитал и она его “поразила как совершенный *chef d’œuvre*. Я непременно хочу перевести и ее [...]”²¹ в письме от 1 марта он сообщил, что решил отказаться от «Простого сердца», частично по цензурным соображениям (в нем “глуповатая забитая служанка [...] смешивает [попугая] с голубем, изображающим святой дух”), но и по эстетическим (“да она же менее удачна”). в этом же письме он сообщил, что — *наконец-то* — “Сегодня, в 4 часа утра, я кончил перепиской перевод «Св. Юлиана»; [...] «Иродиаду» я начал переводить — и надеюсь доставить Вам ее через 10 дней — положим, две недели (это последний срок!) [...]”²² Срок, конечно, растянулся. «Иродиада» не поспела к апрельской книге «Вестника Европы», в которой печатался «Юлиан», и появилась лишь в майской, что не без последствий (о чем впереди).²³

Первая часть «Литературных очерков» в газете «Новое время» за 8/20 апреля 1877 г. (№ 397), посвящена переводу «Юлиана». Этот отклик полемически настроен против «Вестника Европы» и его редактора, против Флобера и его произведения и, наконец, против “знаменитого романиста” и его перевода. Насыщенным иронией тоном автор очерков В. П. Буренин, повторно упоминает “какого-то «любезнейшего М. М.»” и жалуется: “кто этот «любезнейший» — редакция не считает нужным пояснять от себя” (стлб. 2; любому читателю, конечно, было ясно, что речь идет о Стасюлевиче), упрекает Флобера в измене, ибо Флобер перешел “от реализма почти цинического к мистицизму” (стлб. 3), и издевается над наивными читателями, которых одна рекомендация “знаменитого романиста” достаточна, чтобы “почувствовали убеждение, что [...] следует только ахать от восхищения” (стлб. 2).

Писать поэмы с таким содержанием и складом в наши дни можно только из праздного аматерства в искусстве. [...] никоим образом нельзя было бы отыскивать живую поэзию в его нелепой и ненужной для нашего времени работе. (стлб. 4)

Но Буренин отрицает не только достоинства самого произведения; ему не нравился и сам перевод, в котором “встречаются галлицизмы непростительные для такого великого мастера, каким справедливо считается Ив. С. Тургенев”, или же “такие выражения, которые хотя и не представляют гал-

1877 г. (там же, с. 190).

21 ПССиП(1). Письма. Т. XII, С. 83–84.

22 ПССиП(1). Письма. Т. XII, С. 100.

23 См. письмо к Стасюлевичу от 11 марта 1877 г. (ПССиП(1). Письма. Т. XII, С. 106).

лицизмов, но крайне неудачны”. Он приводит семь примеров и прибавляет: “Я не пойду дальше, хотя мог бы, [...]”(стлб. 8—9).²⁴ Короче, Буренин полностью отказывает «Юлиану» в каких-либо достоинствах.

Мало кого, наверное, удивил такой отклик в суворинской газете. в том же номере появился рассказ «Сын попа», обратный перевод рассказа «Сон отца Алексея», напечатанного во французском переводе до его официального появления в «Вестнике Европы». Суворин оправдал такой поступок тем, что Тургенева бы надо отучить от “погоны за известностью в чужих краях”.²⁵ Еще более дерзким ходом в этой распре можно считать то, что после статьи Буренина, но до появления тургеневского перевода «Иродиады» в майском номере «Вестника Европы», Суворин заказал свой перевод этой легенды и напечатал его в «Новом времени»!²⁶

Нападки Буренина не должны были Тургенева удивить. Еще в письме к Стасюлевичу от 1-го марта 1877 г. он писал о легендах: “Я уверяю Вас, что это прелесть — хотя, конечно, не во вкусе Буренина и К^о”.²⁷ Тургенев протестовал как против неавторизованного перевода «Рассказа отца Алексея», так и против нападок Буренина на его перевод из Флобера открытым письмом в газету «Новый век».²⁸ в своем письме Тургенев отказался от оправданий своих взглядов на мастерство Флобера (“у всякого свой вкус”), но на упреки относительно перевода он ответил. Правда, с двумя замечаниями Буренина он был готов согласиться.²⁹ А по поводу фразы “Отец и мать Юлиана обитали замок” он даже пошел на обширное грамматическое объяснение, причем утверждал, что нарочно выбрал форму винительного падежа по стилистическим соображениям.

Оправдания Тургенева вызвали новую, не менее ироническую, статью Буренина.³⁰ Он настаивал на том, что лучше бы было “не повторять этого, столько же банального, сколько нелепого мнения, что у всякого свой

24 Буренин выделяет следующие фразы (и в некоторых случаях предлагает свой вариант): “Отец и мать Юлиана обитали замок”; “Сон или действительность — то было откровение свыше”; “Если бы я захотел, однако”; “Очутился на плоскогорье, повелевавшем значительным пространством”; “Его собственная особа внушала ему такое отвращение”; “С пеной во рту”; “Кровавые брызги, кровавые лужи зияли по их белым телам”.

25 «Новое время», 24 апреля / 6 мая 1877 г. (№ 413) (см.: ПССиП(1). Соч. т. XV. С. 380.

26 «Новое время», №№412, 414, 416, 421, 422 (23 апреля—3 мая). См.: ПССиП(1). Письма. Т. XII, С. 150.

27 ПССиП(1). Письма Т. XII, С. 100.

28 «Наш век» № 48 от 19 апреля 1877 г. См.: ПССиП(1). Соч. т. XV. С. 168—170.

29 Он считает, что “с пеной у рта” на самом деле лучше, чем “во рту” и слово “зияли” во предложении “Кровавые брызги, кровавые лужи зияли по их белым телам” он предлагает заменить другим словом (“например, словом «рдели»”) (ПССиП(1). Соч. т. XV. С. 169).

30 «Новое время», № 418 от 29 апреля / 11 мая 1877 г.

вкус” (стлб. 4), а надо его обосновывать — и продолжал считать легенду Флобера “совершенным вздором” (стлб. 3). Все грамматические высказывания Тургенева Буренин опровергал; русскую грамматику, заключает он, “почтенный писатель забыл довольно основательно” (стлб. 2). Его защиту “курьезного галлицизма” следует приписывать тому, что “грамматический «вкус» г. Тургенева, по всей вероятности, испортился во время долгого пребывания за границей” (стлб. 6). и к погрешностям писателя он прибавляет еще одну фразу из перевода: “пыль скрежетала под зубами” (стлб. 7). Несколько вызываяще Буренин оправдывает свои заметки против Тургенева еще и тем, что именно Тургенев “внушил мне крепкое уважение к русскому языку”, когда требовал от молодых литераторов: “берегите наш язык, наш прекрасный русский язык” (стлб. 7).

За этим новым нападением стоял другой неприятель Тургенева — Владимир Стасов. в письме к Буренину, в котором он его подстрекает “ответить” “любезнательному Жану”, Стасов дал подробные “ответы на каждый из четырех пунктов Жана”. Пункты, приведенные Бурениным в его статье, полностью (в частности и в выборе конкретных примеров) соответствуют, часто дословно, пунктам Стасова в его письме.³¹

Несмотря на протесты Тургенева следует признать, что замечания Буренина по поводу галлицизмов были не без основания, и сам Тургенев впоследствии доказал на деле, насколько он с некоторыми соглашался. Когда он готовил перевод для очередного собрания сочинений 1880 г., он их ощутимо принимал во внимание, изменив даже фразы, которые он с горячностью защищал в своем письме протеста. Так в 1880 г. “Отец и мать Юлиана обитали в замке”, как этого требовал Буренин.³² Но и наоборот. Несмотря на то, что в письме выразил согласие по поводу того, что “лучше бы было сказать «с пеной у рта», чем «с пеной во рту»”, он свою первоначальную фразу не изменил для издания 1880 г.³³ Во фразе “Кровавые брызги, кровавые лужи зияли по их белым телам” он изменил глагол, но не на “рдели”, а на “виднелись”. А фразу “пыль скрежетала под зубами”, которую Буренин в своей второй статье предлагал заменить на

31 Письмо Стасова приводится целиком в книге Влад. Каренина, Владимир Стасов. Очерк его жизни и деятельности. Часть II. Л., 1927. С. 580–582. Там, однако, письмо датировается невозможным числом 23 октября 1877 г. Каренин считает, что Стасов также подкасал Буренину нападки на галлицизмы в его первой статье (там же, стр. 579). Хотя Тургенев вряд ли мог знать о роли Стасова, он бы наверное не удивился. Вскоре после этого, в июне 1878 г., он написал стихотворение в прозе «С кем спорить...», которое он заключает словами: “Не спорь только с Владимиром Стасовым!” (ПССиП(1). Соч. Т. XIII. С. 208), а не задолго до этого в «Нови» он вывел Стасова в карикатурном Скоропишине.

32 1880, т. 1, с. 381

33 ПССиП(1). Соч. т. XV. С. 169; 1880, т. 1, с. 393.

“пыль скрипела [*sic*] на зубах”, Тургенев изменил на “пыль скрипела [*sic*] под зубами”.³⁴ Более существенные изменения он ввел во фразы “Сон или действительность — то было откровение свыше” и “очутился на плоскогорье, повелевавшем значительным пространством”: “Наяву ли то случилось или во сне — но то было, конечно, откровение свыше” и “очутился на плоскогории; оно господствовало над значительным пространством окрестного края”.³⁵ Еще две фразы (“Если бы я захотел однако”; “Его собственная особа внушала ему такое отвращение”) он оставил, пропустив лишь запятую во второй из них.³⁶ Одновременно он воспользовался случаем, чтобы исправить замеченную опечатку в журнальном тексте и заменить слово, которое по недосмотру повторялось в переводе:

Всего одна опечатка — незначительная: стр. 626 — строка 15 сверху — «ружейной» вместо «оружейной». в другом месте (но это уж моя вина) — стр. 616, строка 7-ая снизу — надо будет поставить вместо «украшенных» «разубранных», потому что в предыдущей строке стоит слово «украшения». А я так старательно отчеканил эту вещь, что не желаю оставить ни одного пятнышка.³⁷

М. К. Клеман в основном одобрил попытку Тургенева передать стилистические слои флюберовского текста; так, например, “рассекая речь на ряд четких отдельных отрезков, [Тургенев] придавал ей торжественный медлительный ритм подлинника”.³⁸ Но для Клемана самым важным критерием при оценке тургеневского перевода является, насколько он точен по смыслу относительно оригинала. Клеман, конечно, знал, что Тургенев переводил с рукописи Флобера. Но он считал очередным недостатком то, что Тургенев впоследствии не вернулся к своему тексту и внес в него изменения, появившиеся в печатном тексте:

Тургеневские переводы новелл Флобера [...] не могут считаться адекватной передачей текста подлинника. Не давая точного представления об оригинале, [...]»³⁹

Но вопрос о тексте Флобера обстоит сложнее, чем представлялся Клеману. Обширные черновые материалы отражают ту огромную работу по подготовке и исследованию источников, свойственную Флоберу — но

34 1880, т. 1, с. 408.

35 1880, т. 1, с. 383; 401.

36 1880, т. 1, с. 404; 407.

37 Письмо к Стасюлевичу от 10 апреля 1877 г. (ПССиП(1). Письма. Т. XII, С. 131). 1880, т. 1, с. 409; 397.

38 Клеман, с. 144.

39 Клеман, с. 139 и 149.

даже специалисты утверждают, что эти материалы почти неразборчивы. Должны были быть черновики самих текстов как таковых (Флобер упоминал о том, что он свои тексты переписывал), но они не сохранились. Однако и беловые материалы проблематичны, так как существовало два беловых автографа трех легенд. Один комплект Флобер подарил своему другу Эдмону Лапорту в апреле 1877 г.,⁴⁰ другой находится в Национальной библиотеке Франции. Так как Тургенев вернул Флоберу рукописи, с которых делал свой перевод лишь 27 мая 1877 г., следует предположить, что он переводил именно с рукописей, находящихся в Национальной библиотеке.⁴¹ Эти “беловые” рукописи содержат значительное количество изменений — вычеркивания, и замены, сделанные рукой Флобера. Для издания у Шарпантье, текст которого стал каноническим для последующих изданий, были приготовлены писцовые копии. в них есть небольшое количество изменений, но преимущественно незначительных (по почерку можно считать, что их сделал Флобер), и все-таки между основным текстом и известными беловиками Флобера немало разночтений. Столь тщательный, когда он писал свои тексты, Флобер довольно небрежно относился к их дальнейшей судьбе; судя по всему, он не сличал писцовые копии со своими автографами.⁴² Все эти рукописные материалы остались неизвестными русским критикам, а в настоящее время они стали общедоступными через интернет.⁴³ Клеман должен был основать свои замечания на вариантах, которые приводятся редакторами издания Конар (Conard).⁴⁴ Здесь

40 См. письмо к Лапорту от 8 апреля 1877 г., *FCorr.*, 5, 216.

41 См. *F-T. Corr.*, p. 207. Это несомненно для рукописи «Иродиады». Следует допустить возможность, хотя и маловероятную, что Тургенев вернул рукопись «Юлиана» раньше и что множественное число в этом письме относится к рукописям «Простого сердца» и «Иродиады», а не ко всем трем рукописям.

42 “Comme toujours, notre auteur semble avoir corrigé ses épreuves sans leur accorder l’attention qu’elles méritaient” замечает Питер Уэтерил, который оправдывает свое издание «Trois contes», единственное, которое основано на текстах беловых рукописей, именно тем, что нет основания думать, что разночтения в писцовой копии принадлежат Флоберу (*Contes*, 1988, p. 155). Только иногда Флобер замечал более “грубые” ошибки переписчика. Так в описании общей охоты, там где у переписчика лисы попадают в капканы, Флобер вставляет свое первоначальное слово «fosses» (ямы) (Bibliothèque Nationale, Nouv. Ac. Fr. 23663, f^{ns} 152 и 37).

43 См.: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b5300001m.r=Flaubert.langFR>. Автограф «Юлиана» = Nouv. Ac. Fr. 23663, f^{ns} 31–57; копия переписчика = f^{ns} 142–183. в настоящее время автор этих строк вместе с коллегами из Пушкинского дома готовит интернетовый проект издания всех переводов (больше 100), в которых Тургенев принимал непосредственное участие. в этом проекте тексты переводов (с вариантами, когда такие сохранились) можно будет сопоставить с текстом, который Тургенев переводил. в случае легенд Флобера текст соответствует беловым рукописям Флобера.

44 *Œuvres complètes de Gustave Flaubert*. 18 v. Paris, L. Conard, 1910 (1928) tome 17, pp. 133–134. (Далее *Flaubert, Conard*.)

приведенные «варианты» являются списком разночтений между писцовой копией и *окончательным* слоем автографа Флобера (т.е. без многочисленных вариантов в автографе), причем не различаются немногочисленные *изменения* в писцовой копии от разночтений в текстах двух рукописей.⁴⁵ Часто эти разночтения состоят в отдельных пропущенных словах (напр. “brûlait dessus” вместо “brûlait au-dessus” в автографе; “il en approchait” вместо “il s’en approchait”; “son père lui déclara” вместо “son père déclara”; или же “un gros pigeon à pattes roses qui...” вместо “un gros pigeon qui”⁴⁶), которые могли даже быть простыми пропусками со стороны переписчика. Что касается непосредственно текста «Юлиана», то текст тургеневского перевода соответствует *последнему* пласту белой рукописи Флобера (т.е. после изменений, которые Флобер ввел в свой текст). Разночтения писцовой копии (ни в основном тексте, ни в изменениях, внесенных в него) не отражены в тургеневском тексте. На самом деле можно считать, что перевод Тургенева стоит гораздо ближе к тексту самого Флобера, чем издания текста, считающегося «каноническим» начиная с издания Шарпантье.

О значении для обсуждения того, как текст перевода отражает текст Флобера, можно судить на основе трех примеров. Для Клемана такие примеры служат для демонстрации того, как перевод отличается от окончательного текста Флобера; на самом деле эти примеры представляют собой совершенно разные случаи. у Тургенева пир в честь рождения Юлиана “длился четыре дня и три ночи”. Это соответствует автографу Флобера, а в писцовой копии он длился три дня и четыре ночи. Однако, формулировка Флобера не совсем обыкновенная: так как празднования начинаются чаще к вечеру, чем к утру (Флобер и упоминает, что гости разошлись ранним утром), не исключено, что переписчик переставил цифры, может быть даже не замечая этого. в другом месте у Флобера в автографе, и вслед за ним и у Тургенева, старый монах, выписанный в учителя молодому Юлиану, был из Калабрии. в писцовой копии его происхождение вычеркнуто, предположительно Флобером. Тут на самом деле текст перевода не соответствует окончательному тексту Флобера, но мест, где Флобер существенно изменил текст (а именно исключением фразы, присутствующей в его автографе) в копии переписчика всего два.⁴⁷ Последний пример (он не приводится Клеманом): у Флобера в автографе была фраза “le roi de France et le dauphin d’Angleterre”. Тургенев исправил эту явную ошибку,

45 “Le manuscrit est une recopie nette où n’apparaissent que de très rares corrections sans importance” *Flaubert, Conard*, p. 130.

46 Nouv. Ac. Fr. 23663, f^{ss} 147, 149, 150, 150 (писцовая копия); f^{ss} 33, 35, 35, 35 (автограф Флобера)

47 Второй случай: во фразе “les insectes aux ailes d’or posés sur les fleurs” вычеркнуты слова “aux ailes d’or” (см. Nouv. Ac. Fr. 23663, f° 176).

переставив страны в соответствии с тем, что дофин является наследником французского престола. А переписчик этой ошибки не заметил, и в его рукописи Флоберу пришлось стереть слово «goi», вычеркнуть слово «dauphin» и вписать их, каждое на место другого. у обоих — у Тургенева и Флобера — вышло правильно, но в обратном порядке.

Клеман показывает на то, что Тургенев в некоторых местах пропустил фразы оригинала. На самом деле это так (т.е. речь не идет о введенных в писцовую копию изменениях). Скорее всего тут произошло то, что печально знакомо каждому переводчику или переписчику: при переходе от одного листа к другому по недосмотру иногда пропускается фраза или короткое предложение. в другом месте рукописи Тургенева мы находим конкретный пример: Тургенев начинает фразу “Она соскочила”, но замечает, что пропустил целый абзац. Он вычеркивает эти слова и начинает пропущенный абзац.⁴⁸ Эти пропуски очередной раз подтверждают привычку Тургенева-переводчика после изначального перевода не возвращаться к подлиннику, чтобы сличить с ним свой перевод, а обрабатывать исключительно перевод, чтобы он звучал как можно «натуральнее» на данном языке.⁴⁹

По крайней мере в одном месте, где Тургенев сделал очевидную ошибку в переводе, можно и ее объяснить именно тем, что он переводил с рукописи. у Флобера вторая ограда родного замка Юлиана сделана из «рѳеих»,⁵⁰ а у Тургенева она “каменная”. в автографе не совсем ежедневное слово «рѳеих» написано так, что можно было здесь прочесть слово «рѳегте» (камень)!⁵¹

Возражения Клемана против перевода Тургенева являются признаком определенного понятия о задачах перевода. Такие понятия меняются, завися от национальных традиций и времени (а иногда, пожалуй, и от моды). Таким образом, П. Р. Заборов в своей статье о переводе «Иродиады», появившейся почти полвека после статьи Клемана, может утверждать:

В свой перевод [Тургенев] вложил замечательное ощущение воскресенной Флобером эпохи, тончайшее чутье и мастерство стилиста, совершенное знание французского и редкостное владение родным языком, а также глубокое понима-

48 ИРЛИ, ф. 293, оп. 3, № 132, л. 31.

49 Об этом см.: *Жекулин Н. Г.* Тургенев-переводчик. Вопросы теории и практики // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы / Под ред. Н. П. Генераловой, В. А. Лукиной. М.; СПб., 2009. Вып. 1. С. 73–76.

50 Коляя, сваи (Даль: свая – “заостренное ... бревно, забиваемое в землю ... для ограды”).

51 BN, Nouv. Ac. Fr. 23663, f° 31.

ние потребностей читателя, которому предназначался — в его интерпретации — флореровский шедевр.⁵²

Такое заключение, как нам кажется, ближе стоит к понятиям самого Тургенева о целях своего перевода. в письме к Я. П. Полонскому он изложил эту цель: “Я постарался, сколько мог, передать краски и тон оригинала”.⁵³ с самого начала его поразила «красота» флореровских легенд. в предисловии к изданию «Юлиана» в «Вестнике Европы» он оправдал свое решение предпринять эти переводы тем, что был “[п]ораженный их разнообразными красотами”, и в упомянутом письме к Полонскому он описал «Иродиаду» как произведение “красоты необыкновенной”.⁵⁴ и красота этих легенд состояла для Тургенева именно в их красках и тоне. Этим он, пожалуй, доказывал, насколько он сочувствовал задаче, которую себе поставил в этих произведениях сам Флобер. в письме к Тургеневу от 28 июня 1876 г. Флобер пишет о своей работе над легендами:

Mais que c'est difficile ! Nom de Dieu, que c'est difficile ! Plus je vais & plus je m'en aperçois. — Il me semble que la Prose française peut arriver à une *beauté* dont on n'a pas l'idée ! Ne trouvez-vous pas que nos amis sont peu préoccupé de la Beauté ? & p[ou]rtant il n'y a dans le monde que cela d'important !⁵⁵

Для Тургенева русский читатель должен был получить, насколько это возможно, такое же ощущение, какое получал французский читатель от оригинала. Этим, как нам кажется, объясняется одно «отклонение» от буквальной передачи текста, которое Клеман прямо называет “своего рода комментированным переводом” и о котором Заборов замечает:

Вообще стремление облегчать восприятие повести русским читателем проявилось в этом переводе весьма отчетливо: вопреки Флоберу, Тургенев вводил в текст авторские ремарки и пояснения (в том числе в скобках и под строкой), а также кавычки, подчеркивавшие экзотизм отдельных реалий и слов.⁵⁶

Культура и образование читателей в России и во Франции различались. Чтобы ощущения русских читателей не слишком отличались от ощущений французских, Тургенев считал необходимым, чтобы их знания о времени и среде не слишком различались. Таким образом, по словам Клемана (для которого, конечно, это являлось недостатком перевода), Тургенев

⁵² Заборов, с. 135.

⁵³ Письмо от 18, 21 февраля / 2, 5 марта) 1877 г. (ПССиП(1). Письма. Т. XII, С. 101).

⁵⁴ ПССиП(1). Соч. т. XV. С. 112; ПССиП(1). Письма. Т. XII, С. 101.

⁵⁵ *F–T. Corr.* Pp. 174–175.

⁵⁶ Клеман, с. 141; Заборов с. 135.

пытался “приблизить [легенды] к пониманию русского читателя, дать не только перевод, но и комментарий к нему, включив его в самый текст. Так поступал Тургенев систематически при передаче деталей чуждого и незнакомого быта”.⁵⁷ “То, что в оригинальном тексте должно было быть понятным без объяснений,” продолжает Клеман “казалось Тургеневу для русского читателя недостаточно ясным, и текст обеих новелл подвергся в переводе значительной переработке”.⁵⁸

Интересно заметить, что у самого Флобера дело обстояло немного по-другому. в письме к Тургеневу от 28 октября 1876 г. он сообщил:

[...] je me suis embarqué dans une petite œuvre qui n'est pas commode, à cause des explications dont le lecteur français a besoin. Faire clair & vif avec des éléments aussi complexes offre des difficultés *gigantesques*. Mais s'il n'y avait pas de difficultés, où serait l'amusement ?⁵⁹

С духом последнего предложения Тургенев бы несомненно согласился. Как он признался Стасюлевичу: “перевод [«Иродиады»] представил такие трудности, что — без хвастовства скажу — не знаю, кто бы другой лучше меня это сделал [...]”.⁶⁰ А итоговое заключение? “[...] я старался изо всех сил — и, полагаю, как стилист не ударил лицом в грязь”.⁶¹

Переводческая работа Тургенева над легендами Флобера не осталась без последствий в собственном его творчестве. Несомненно, в легендах его привлекали язык и стиль. Но не менее несомненно, в их языке и стиле его привлекало то, как они служили для передачи исторической эпохи (может быть, именно поэтому его меньше всего интересовала современная легенда «Простое сердце»). Как известно, в его рассказах и повестях играет важнейшую роль повествование от первого лица. Обрамление состоит из воспоминаний рассказчика, повествующего о давно пережитом — прием, который придает произведению явно субъективный тон. А у Флобера в легендах нет идентифицируемого рассказчика и от этого возникает у читателя впечатление большей объективности.

Приблизительно через два года после окончания своих переводов из Флобера (и именно тогда, когда он готовил эти переводы для переиздания в новом собрании своих сочинений), он обратится к этой проблеме повествования в произведении, которое он посвящает памяти покойно-

57 Клеман, с. 140.

58 Клеман, с. 143.

59 *F-T. Corr.*, p. 187.

60 Письмо от 6 апреля 1877 г. (ПССиП(1). Письма. Т. XII, С. 128).

61 Письмо от 27 февраля 1877 г. (ПССиП(1). Письма. Т. XII, С. 106).

го Флобера, в «Песни торжествующей любви». Как это было в «Легенде о св. Юлиане милостивом», есть в повести формальная отсылка к источнику (у Флобера в конце, а у Тургенева в начале легенды). Но у обоих писателей эта отсылка мнимая, без прямого отражения в повествовании. в тургеневском рассказе как раз «тон и колорит» играют первостепенную роль. Хотя повествование ведется собственно в русле русского реализма XIX века, именно «тон и колорит» служат отличительным признаком этого произведения среди других произведений Тургенева, до такой степени, что некоторые исследователи, в том числе и наш юбиляр, замечают в нем явные элементы наступающей эпохи «fin de siècle». ⁶² Но вопрос о том, как «Песнь торжествующей любви» отражает всё то, чему Тургенев научился при переводе легенд Густава Флобера, заслуживает отдельного, специального исследования.

⁶² См. Жекулин Н. Эстетика стилизации – Тургенев и Эдуард Бёрн-Джоунс // *Studia Slavica*. Т. 44, fasc. 3–4. 1999. Рр. 377–378. Кишцова Д. Стиль модерн в «Песни торжествующей любви» И. С. Тургенева // И. С. Тургенев. Жизнь, творчество, традиции / Под ред. Ж. Зельдхей-Деак, А. Холлош. Будапешт, 1994. С. 121–130. *Kšicová Danuše*. Evropa a Orient. I. S. Turgenev, *Piseň vítězné lásky* // Kšicová Danuše. Secese. Slovo a tvar. Brno, 1998. Str. 44–54.